

Будущность демократіи

О демократіи, какъ идейной системѣ, стало очень принято говорить въ прошломъ времени. Кто только въ наши дни не стремится построить своей карьеры на увѣреніяхъ, что демократія при смерти. «La feue démocratie» какъ выразился одинъ французскій авторъ... Разговоры о «кризисѣ демократіи» успѣли даже набить оскомину. Впрочемъ, демократію хоронятъ такъ усердно и съ такой энергіей, что невольно приходитъ мысль, что она еще жива, — не только какъ реальная политическая сила, но и какъ идеологія «Мертвый въ гробѣ мирно спи»... «De mortibus aut nihil, aut bene». То ли дѣло съ демократіей! Противники съ пѣной у рта доказываютъ, что она исчадіе всѣхъ золь. Философы, какъ дважды два, устанавливаютъ, что демократія индивидуалистична, механистична, атомична, наконецъ, что она именно и есть настоящее сатанинское челоуѣкобожество. Юристы и историки указываютъ на связь демократіи съ якобинской идеологіей, съ централизмомъ, съ неограниченностью власти, съ элитизмомъ. Политики распространяются на тему о крушеніи парламентаризма, внѣ котораго демократія немислима. Коммунисты обличаютъ въ ней буржуазный предразсудокъ, евразійцы — специфическое германо-романское изобрѣтеніе, фашисты — слабосиліе и интернаціонализм...

Справедливы ли всѣ эти упреки? И чѣмъ заняты всѣ эти обличители? Дѣйствительно ли они хоронятъ мертвеца или стремятся удавить живого и на ихъ взглядъ черезчуръ живучаго? Не потому ли они такъ страстно нападаютъ на демократію, что она и не думаетъ дряхлѣть, а только лишь собирается окончательно выдуться и вступить въ зрѣлый возрастъ? Въ чемъ, однако, можетъ состоять зрѣлость демократіи, въ чемъ ее будущность?

Таковы вопросы, на которые мы собираемся вкратцѣ отвѣтить въ настоящей статьѣ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду не тѣ или иные демократическіе институты,

а самую сущность демократіи. Намъ будетъ интересоваться не столько морфологія демократіи, сколько ея принципологія — ея основы и потенціи больше чѣмъ осуществленныя воплощенія, ея возможности, заданія и будущность, больше чѣмъ свершенный уже въ прошломъ путь.

I

Въ чемъ сущность демократіи?

Въ господствѣ ли большинства надъ меньшинствомъ, какъ опредѣляли ее преимущественно въ древности? Въ принципѣ ли равенства, какъ особенно подчеркивали во время французской революціи? Въ утвержденіи свободы каждаго отдѣльнаго лица, зафиксированномъ во всѣхъ демократическихъ деклараціяхъ правъ? Или быть можетъ демократія сводится къ неотчуждаемости народнаго суверенитета? Или къ принципу «политическаго релятивизма», позволяющему безпрепятственное сосуществованіе множества идеологическихъ системъ въ одной націи (Кельзень)?

Достаточно мало мальски внимательно всмотрѣться въ исторію демократическихъ идей, чтобы убѣдиться, что даже чисто внѣшнимъ образомъ демократію невозможно описать при посредствѣ подобныхъ упрощенныхъ формулъ. *Сущность демократіи несоизмѣримо сложнее и синтетичнее*, и чтобы только подойти къ ней необходимо объять въ опредѣленіи цѣлую совокупность, цѣльную гамму элементовъ.

Въ сознаніи новаго времени демократическая идея выкристаллизовалась, благодаря сплянью воедино трехъ разобщенныхъ и возникшихъ независимо другъ отъ друга идейныхъ теченій; каждое изъ нихъ въ отдѣльности и отрывѣ отъ всѣхъ прочихъ вовсе не приводило непосредственно къ демократической идеологіи, которая родилась лишь въ видѣ синтеза, установившаго подвижное равновѣсіе между тремя взаимно другъ друга восполняющими и видоизмѣняющими элементами. Этими тремя элементами, слившимися впоследствии воедино, были: а) *Идея народодержавія*, выдвинутая въ нашу эру впервые ранними католическими публицистами въ борьбѣ противъ свѣтской власти и преданная затѣмъ проклятію папскимъ престоломъ, поскольку она, начиная съ Марсилія Падуаускаго, обратилась противъ іерархической структуры като-

лической церкви; б) *идея равенства*, выдвинутая впервые нивелирующей политикой абсолютной монархii въ борьбѣ противъ феодализма и углубленная затѣмъ школой естественнаго права XVII вѣка (въ особенности Гоббсомъ), которая отъ равенства передъ закономъ перешла къ идеѣ равенства въ правахъ; в) *идея свободы личности*, ставящей предѣлъ власти, выдвинутая впервые англійскими независимыми сектами, подхваченная и углубленная левеллерами и развитая подробно Локкомъ. Однако, подъ «народомъ» первоначально понималась лишь высшая знать; равенство въ правахъ толковалось, какъ равенство во всеицiи въ естественномъ состоянii и равенство въ безправii въ государственномъ; а свобода личности по большей части вовсе не связывалась съ идеаломъ равенства.

Только когда всѣ эти три линii скрестились, когда удалось впервые найти формулу соединенiя всѣхъ трехъ элементовъ воедино, родилась первая истинно демократическая идеология. Она сразу же выступила, какъ сложный синтезъ, какъ подвижное равновѣсiе между идеей свободы и равенства на основахъ народодержавiя. Руссо, впервые формулировавшii этотъ синтезъ, самъ указывалъ на его неокончательный характеръ, сравнивая рѣшаемую проблему съ квадратурой круга, допускающей лишь приближенныя рѣшенiя. Свое глубокомысленное ученiе, что нѣтъ равенства безъ свободы (ибо свобода есть содержанiе истиннаго равенства) и свободы безъ равенства (ибо свобода не ограниченная равной свободой всѣхъ прочихъ есть произволь), и что ихъ сочетанiе возможно только на основѣ самоуправленiя всѣхъ и каждаго, Руссо связалъ съ сравнительно упрощеннымъ и неприемлемымъ въ наши дни абстрактнымъ пониманiемъ синтезируемыхъ элементовъ. Всѣ они нашли въ его доктринѣ воплощенiе въ идеѣ «*volonté générale*» — тождественной у всѣхъ индивидовъ разумной сущности, которая выявляется путемъ всеобщаго голосованiя, постолько оно не затемнено какими-либо частными группировками. *Volonté générale* равна у всѣхъ и свобода каждаго есть выявленiе не его специфичности, а его разумной воли, совершенно одинаковой у всѣхъ индивидовъ.

За XIX вѣкъ идеи равенства, свободы, народодержавiя чрезвычайно углубились. Свобода стала пониматься болѣе конкретно, какъ, хотя бы, частичное выявленiе индивидуальнаго своеобразiя. Равенство — болѣе ка-

чественно, не только, какъ формальное равенство, но и какъ до извѣстной степени матеріальное равенство, равенство возможностей. Народный суверенитетъ сталъ толковаться не какъ заранѣе готовая и сложившаяся народная воля, а какъ нѣчто заданное и искомое, какъ ирраціональная стихія, омывающая государственные органы, которые должны быть такъ организованы, чтобы быть открытыми для всѣхъ колебаній народныхъ настроеній, отмѣчая ихъ подобно тому, какъ беспроводный телефонъ волны радія... Мудрено ли, что при перемѣщеніи всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагался демократическій синтезъ въ концѣ XVIII вѣка, его старыя формулы перестали удовлетворять? Однако достаточно вспомнить, что демократическая идеологія съ самаго своего возникновенія означала лишь *подвижное* равновѣсіе между тремя разными ингредиентами, чтобы это явленіе ни въ малѣйшей степени не въ состояніи было смутить. Измѣнились и усложнились конститутивные элементы, — должна измѣниться и формула ихъ взаимнаго равновѣсія. Нужно ли подчеркивать, что подобное измѣненіе, подобныя поиски новаго синтеза углубленныхъ идей свободы, равенства, народодержавія, сами по себѣ отнюдь не могутъ разсматриваться, какъ симптомъ разложенія, а, скорѣе наоборотъ, выступаютъ какъ симптомъ жизнеспособности, вѣщаго торжества и дальнѣйшаго расцвѣта демократической идеологіи...

При такой постановкѣ вопроса само собой намѣтилось отличіе *сущности* демократіи отъ формъ ея историческаго воплощенія. Въ отсутствіи этого разграниченія одна изъ основныхъ ошибокъ всѣхъ современныхъ разсужденій о демократіи. Ея противники очень облегчаютъ себѣ задачу критики демократической идеологіи, выдавая ея интерпретацію въ XVIII вѣкѣ за необходимое и единственно возможное обнаруженіе ея сущности. Совершенно безспорно, что Руссо далъ чисто индивидуалистическое обоснованіе демократіи и что въ XIX вѣкѣ реакція противъ индивидуализма принимала зачастую антидемократическую форму (отъ Сень-Симона къ Марксу и отъ Де Местра къ Гегелю и Шталю). Но весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, вытекаетъ ли односторонній индивидуализмъ изъ самой сущности демократической идеологіи, или, напротивъ, онъ былъ только той исторической призмой, въ которой она преломлялась, быть можетъ не безъ

прямого ущерба для нѣкоторыхъ изъ своихъ составныхъ элементовъ.

Критиковать атомизмъ и индивидуализмъ XVIII вѣка значитъ въ настоящее время помиться въ открытую дверь. Существененъ вопросъ, можно ли дѣлать за него отвѣтственной демократію и дѣйствительно ли преодоленіе индивидуализма равносильно преодоленію демократіи.

II

Для отвѣта на эти вопросы необходимо проанализировать эйдетическую сущность тѣхъ элементовъ, подвижное равновѣсіе которыхъ составляетъ демократическій синтезъ. Изъ трехъ составныхъ частей демократической идеологии только одна идея личной свободы имѣетъ опредѣленно выраженный индивидуалистическій характеръ. Напротивъ, ни принципъ народодержавія, ни идея равенства не связаны органически и неизбежно съ индивидуализмомъ. Конечно, можно истолковать народъ, какъ механическую сумму тождественныхъ индивидовъ, а равенство, какъ чисто количественное уравненіе разобщенныхъ особей. Однако, такое пониманіе не только не является обязательнымъ, но несомнѣнно находится въ противорѣчій съ самой сущностью соответственныхъ принциповъ, выступающихъ здѣсь, такъ сказать, въ уменьшенномъ и унтербленномъ видѣ.

На самомъ дѣлѣ, въ чемъ специфичность идеи народодержавія, въ отличіе отъ другихъ конститутивныхъ элементовъ демократіи, если не въ идеѣ нѣкогого *органическаго цѣлаго*, почерпающаго въ себѣ самомъ принципъ своей жизни. Является ли народная воля чѣмъ то готовымъ или только искомымъ, народъ, какъ таковой, самоуправляющаяся совокупность заинтересованныхъ, есть всегда живая *сборность*, *corpus* — тѣло, и, именно, въ этомъ своемъ качествѣ, какъ символъ наличнаго (сверхперсональнаго) единства призывается къ рѣшенію. Болѣе того, идея *Цѣлага*, организма, конкретной системности, нигдѣ не находитъ столь чистаго выраженія, какъ въ демократическомъ принципѣ народодержавія. Всѣ виды соціально-политической іерархіи (въ частности монархіи), которыхъ часто пытались обосновывать съ точки зрѣнія универсализма и органическаго міровоззрѣнія, по существу представляютъ собой *разрывъ цѣлостной связи*, нарушеніе

духа соборной солидарности, разъединение и отрыв некоторых индивидуальных элементов и противопоставление их целому. Это классически ясно зафиксировано в средне-вѣковыхъ ученіяхъ о «гех» и «гегнит» (*populus*), гдѣ именно «гегнит» представляетъ начало органической цѣлостности, а «гех» оторванную особь. Обосновывать органо-логически іерархію возможно только благодаря грубѣйшему смѣшенію біологическаго организма съ этической и социальной органичностью. Правственно-социальная цѣлостность, какъ организмъ взаимно другъ друга порождающихъ индивидуальныхъ самосознаній, какъ конкретная система лицъ, есть максимальная изъ мыслимыхъ противоположностей началу іерархіи. Соборное единство приводитъ къ органическому, солидарному равенству всѣхъ сочленовъ въ цѣломъ. Іерархія здѣсь есть прямое разложенеіе единаосущной соподчиненности самосознаній надличной цѣлостности. Принципъ народодержавія выступаетъ, какъ высшее напряженіе соборнаго единства, какъ истинное воплощеніе своеобразной правственно-социальной органичности. Попытка нѣмецкой формально-юридической школы подмѣнить идею народнаго суверенитета принципомъ суверенитета государства-личности, однимъ изъ органовъ котораго является народъ, была, съ точки зрѣнія философской, ничѣмъ инымъ, какъ плохо скрытымъ покушеніемъ на соборность и органичность. Цѣлое здѣсь подмѣнялось индивидомъ въ увеличенномъ размѣрѣ; на мѣсто сложной надличной (трансперсональной) системы здѣсь ставилось простое единство — новая личность, рассматриваемая въ лупу. Универсализмъ извращался въ консервативный сверх-индивидуализмъ.

Итакъ демократія можетъ съ величайшимъ спокойствіемъ относиться къ упрекамъ въ индивидуализмѣ; въ одной уже идеѣ народодержавія — *самоуправляющейся соборности* — потенциально дано такое высокое напряженіе идеи цѣлостности, въ ея наиболѣе чистомъ видѣ, какого не встрѣтить ни въ одномъ иномъ социальномъ-политическомъ воззрѣніи.

Но не только черезъ идею народоправства, но и черезъ идею равенства въ демократической идеологіи эйдетиически устанавливается связь съ цѣлымъ. Изолированныхъ особей не имѣетъ никакого смысла уравнивать. Равенство предполагаетъ общеніе лицъ — сочленовъ цѣлаго. Оно

указываетъ принципъ организаціи цѣлаго и опредѣляетъ взаимное положеніе сочленовъ въ ихъ отношеніи къ объединяющему ихъ соборному единству и между собой. Главный смыслъ идеи равенства есть утвержденіе равнаго значенія и равной связанности всѣхъ сочленовъ въ нравственно-соціальному цѣлому. *Равенство есть, прежде всего, функція цѣлаго.* Неравенство означаетъ отрывъ, отъединеніе отъ соборной связи. Нравственно-соціальная соборность и равенство въ этомъ смыслѣ неразрывны.

Равенство по отношенію къ единству цѣлаго вовсе не означаетъ тождества сочленовъ между собой. Наоборотъ, равное значеніе въ цѣломъ можетъ быть связано съ абсолютно своеобразнымъ характеромъ каждаго и съ его особымъ призваніемъ, особой функціей въ цѣломъ. Равенство въ этомъ смыслѣ означаетъ *равноцѣнность* личностей и ихъ конкретно-индивидуальныхъ призваній, соучаствующихъ въ порожденіи цѣлостнаго единства, въ качествѣ его незамѣнимыхъ элементовъ. Идея равенства, прежде всего, подчеркиваетъ особый характеръ нравственно-соціального цѣлаго, какъ мы уже отмѣчали, глубоко отличный отъ всѣхъ другихъ видовъ цѣлостной связи. Цѣлое здѣсь есть живая риза лицъ, конкретная система самознанія, самоцѣнныхъ «я». Въ нравственно-соціальному цѣлому сочлены не являются производными элементами изъ единства, точно такъ же, какъ единство не представляетъ собой чего-либо вторичнаго. Здѣсь имѣется полная *равноцѣнность* частей и цѣлаго, координація единства и множества, взаимно порождающихъ другъ друга, *синтезъ индивидуализма и универсализма.* Идея равенства подчеркиваетъ, прежде всего, этотъ синтетическій характеръ нравственно-соціальной цѣлостности, эту равноцѣнность лица и цѣлаго и въ этой связи равное значеніе всѣхъ въ цѣломъ.

Даже злѣйшіе враги демократіи, вроде нѣмецкаго вдохновителя нашихъ русскихъ евразійцевъ О. Шпанна, не могутъ отрицать, что идея равенства представляетъ сочетаніе индивидуалистическихъ и универсалистическихъ элементовъ. Шпаннъ только стремится увѣрить читателя, что такое сочетаніе невозможно, и, что идея равенства есть убудочное образованіе (Spann, *Der wahre Staat*, 1921, стр. 56-62). Онъ можетъ это утверждать только потому, что самъ онъ не идетъ дальше чисто механическаго столкновенія между индивидуализмомъ и универсализ-

момъ и совершенно игнорируетъ самое существованіе нравственной проблематики и связаннаго съ ней извѣчнаго стремленія человѣческой мысли къ синтезу универсализма и индивидуализма, представляющему послѣдній предѣлъ всѣхъ философскихъ исканій. Отъ раннихъ философовъ Возрожденія къ Лейбницу и отъ Лейбница къ Фихте тянется эта линія, тяготящая къ синтезу. Если онъ возможенъ, то и въ идеѣ равенства нѣтъ никакого противорѣчія. Она служитъ живымъ символомъ связи и гармоническаго сочетанія между соборностью и свободой личности и именно черезъ нее становится особенно ясно, что глубочайшей философской предпосылкой демократіи является синтезъ индивидуализма и универсализма.

Стремясь установить истинный смыслъ идеи равенства мы взяли ее въ ея высшей потенціи, въ ея значеніи равноцѣнности соціальныхъ въ цѣломъ. Въ этомъ своемъ аспектѣ равенство имѣетъ преимущественно качественный характеръ. Несомнѣнныя по своимъ качественнымъ отличіямъ личности равноцѣнны въ своемъ своеобразіи по отношенію къ цѣлому. Таковъ нравственный смыслъ понятія равенства. Но равенство имѣетъ и чисто правовой аспектъ и послѣдній является по существу преобладающимъ. Въ частности равенство, какъ конститутивный элементъ демократической идеологіи есть, прежде всего, равенство въ правахъ. Правовое же равенство заключаетъ въ себѣ количественные моменты и предполагаетъ извѣстную степень одинаковости. Эти элементы и пугаютъ, главнымъ образомъ, противниковъ демократіи. Они съ ужасомъ указываютъ на то, что правовое равенство всѣхъ подводитъ подъ одинъ размѣръ, механически уравнивая тупицу и генія, безграмотнаго и ученаго, героя и труса и т. д., и въ конечномъ итогѣ означаетъ торжество посредственности.

Чтобы разобраться въ этихъ упрекахъ, необходимо разграничить цѣлый рядъ вопросовъ здѣсь безнадежно смѣшиваемыхъ: 1) Вытекаетъ ли количественный характеръ правового равенства изъ идеи равенства или изъ самаго принципа права, черезъ призму котораго здѣсь идея равенства проводится? 2) Дѣйствительно ли правовое равенство есть равенство чисто количественное? 3) Наконецъ, являются ли исторически осуществленныя формы правового равенства исчерпывающими или существуютъ потенциально другія возможности, при которыхъ каче-

ственный моментъ можетъ получить болѣе важное значеніе?

Прежде всего не можетъ быть никакого сомнѣнія, что количественный моментъ органически связанъ съ самымъ принципомъ права. Право тѣмъ и отличается отъ нравственности, что оно обобщаетъ нравственную качественность, сводитъ конкретно-индивидуальную нравственную заповѣдь къ общей нормѣ, на мѣсто неповторимо-незамѣнимой нравственной личности ставитъ общій типъ правового субъекта. Основная проблема права есть проблема замиренія гармоничныхъ въ идеалѣ, но эмпирически противоборствующихъ реальныхъ «я» и реальной соборности, замиренія на началахъ общности и количества, подъ покровомъ которыхъ нравственность только и можетъ расписывать свои сложные конкретно-индивидуальные узоры. Право есть рационализация нравственной иррациональности, переходъ отъ чистаго качества къ количеству. Право рассчитано на человеческое несовершенство, на разъединеніе между идеаломъ и дѣйствительностью, между которыми оно посредствуетъ, готовя путь для реализаціи нравственности. Эмпирическое общежитіе безъ права есть всегда насиліе, произволь и деспотія. Только общежитіе святыхъ можетъ обходиться безъ права и руководствоваться одними **лишь** качественными критеріями, не впадая въ абсолютное ихъ отрицаніе. Но если признать, что только подъ оболочкой и защитой права можетъ развиваться и расцвѣтать своеобразіе и конкретная качественность, то именно во имя послѣднихъ слѣдуетъ признать необходимость количественныхъ критеріевъ въ общежитіи, въ которыхъ право не можетъ производить своей замиряющей работы.

Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что количественный характеръ правового равенства происходитъ вовсе не изъ идеи равенства, а изъ самой сущности правовой позиціи. Отрицать количественное равенство совершенно — значитъ отрицать самую идею права. Пусть противники демократіи скажутъ это прямо и честно: *ихъ непримиримая вражда къ демократіи имѣетъ своимъ послѣднимъ источникомъ отрицаніе права!* Если же они проповѣдуютъ *правовое неравенство*, то они непоследовательны, ибо послѣднее не устраняетъ количественнаго критерія внутри каждой привилегированной группы (напримѣръ, всѣ феодалы, независимо отъ ихъ конкретной

индивидуальности — представители общего правового типа); и вместе с тем оно приводит к разобщению и разъединению социальной целостности, соборное единство которой поддерживается равенством в правах.

Мы разъяснили, по какой причине правовое равенство включает в себя количественные элементы. Другой, однако, вопрос, являются ли эти элементы исчерпывающими, т. е. действительно ли равенство в правах означает чисто количественное равенство. Достаточно всмотреться в правовую жизнь любой страны, осуществившей демократические принципы, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Равенство в правах никогда не означало простого количественного уравнивания. Во-первых, для осуществления предоставленных всем одинаковых прав от граждан требуется определенных качеств: зрелого возраста, здравого ума, судебной неопороченности; во-вторых, для исполнения ряда общественных функций (напр., учителя, профессора, инженера, судьи и т. д.) требуется особая качественная подготовка, предоставляющая специальные права; наконец, начала представительного строя и избирательной системы стремятся дать возможность выделить, путем широчайшим образом организованного отбора, лучших по качеству, которым в связи с избранием представляются особые права. Качественный критерий, следовательно, отнюдь не отрицается при правовом равенстве, он только сочетается с количественным принципом, таким образом, чтобы качество не было произвольным даром, возникшим в силу случайности рождения (как при иерархии), а объективно, в интересах соборного блага, определяемым и общедоступным средством приобретения прав. Да, как могло бы быть иначе, поскольку правовое равенство есть средство реализации равноценности качественно-своеобразных лиц и остается в неразрывной связи с идеей блага.

Но если равенство в правах вовсе не есть чисто количественное равенство, а допускает известное применение качественных критериев, то отсюда логически следует, что в разные эпохи равновесие между этими элементами может перемещаться. Механистически-индивидуалистическая интерпретация демократии в стиле Руссо и Французской Революции находила это равновесие в безграничном преобладании количественных эле-

ментовъ. Въ процессѣ поисковъ новаго демократическаго синтеза современная мысль стремится усилить качественные элементы въ правовомъ равенствѣ. Идеи пропорціональнаго и профессиональнаго представительства, федерализма, территориальнаго и персональнаго, самоуправления національныхъ меньшинствъ и т. д., все это разные способы введенія въ правовое равенство новыхъ качественныхъ критеріевъ. На основѣ извѣстныхъ объективныхъ качествъ (принадлежности къ одной профессіи, своеобразной національной группѣ, опредѣленной географической мѣстности, политической партіи и т. д.) граждане здѣсь объединяются въ спеціальныя группы, надѣляемые равными правами. Съ одной стороны, такой способъ организациі означаетъ дальнѣйшее развитіе идеи количественнаго равенства, прогрессъ уравнительнаго идеала: не только отдѣльные индивиды, но и качественно различныя группы надѣляются здѣсь равными правами. Съ другой стороны, въ процессъ этого уравниенія вводятся новые качественные критеріи, и разнымъ типологическимъ качествамъ даютъ возможность непосредственнаго правового проявленія. Слѣдовательно, прогрессъ, въ осуществленіи правового равенства, здѣсь сопровождается возрастаніемъ качественныхъ элементовъ, которые, однако, въ предѣлахъ правовой организациі никогда не смогутъ получить преобладанія надъ количественными.

Какъ видимъ, демократическая идеологія и принципъ равенства въ правахъ отнюдь не должны означать механической нивелировки: они отдають дань количеству, лишь постольку этого требуетъ идея права, съ которой они органически связаны. Они не только служатъ гарантіей, обезпечивающей возможность расцвѣта конкретнокачественныхъ индивидуальностей, но и сами являютъ собой сочетаніе количественныхъ и качественныхъ моментовъ. Здѣсь съ новой стороны проявляется синтетическій характеръ идеи равенства, олицетворяющей путь гармонизациі соборнаго и личнаго начала.

Изъ трехъ идей, подвижное равновѣсіе коихъ составляетъ извѣчную сущность демократіи, только одна идея свободы воплощается въ себѣ чисто индивидуалистическое начало. Безъ свободы нѣтъ личности. Безъ личности нѣтъ нравственно-соціальной соборности. Удушеніе свободы

поэтому равносильно не только убийству личности, но и цѣлаго, превращаемаго въ мертвую, давящую громаду. Принципъ свободы рѣшаетъ проблему объ отношеніи между цѣлымъ и каждымъ отдѣльнымъ сочленомъ. Онъ устанавливаетъ, въ чемъ должна заключаться отдѣльность сочлена, внѣ которой этотъ послѣдній рискуетъ потерять личность. Безъ свободы демократія то же, что что воздухъ безъ кислорода. Народопрравство и равенство безъ свободы теряютъ всю свою специфичность и впадаютъ въ грубое извращеніе собственной сущности. Черезъ идею свободы демократическая идеологія утверждаетъ себя, именно, какъ синтезъ индивидуализма и универсализма, а не какъ односторонній универсализмъ.

Идея свободы, подобно идеѣ равенства, имѣетъ нѣсколько аспектовъ. Какъ нравственная свобода она есть свобода творческаго порыва, самостоятельнаго соучастія въ творческой соборности. Какъ правовая свобода она есть прежде всего нѣкая граница между цѣлымъ и личностью, нѣкій предѣлъ для воздѣйствія цѣлаго на личность, внутри котораго послѣдняя опредѣляется самостоятельно. Въ цѣляхъ обезпеченія возможности подъема на высоты матеріальной творческой свободы, каждая личность черезъ правовую свободу въ извѣстномъ отношеніи предстаетъ самой себѣ. Въ этомъ и только въ этомъ отношеніи правильна характеристика демократіи, какъ «системы политическаго релятивизма», данная Кельзеномъ. Это не значитъ, ни что основаніемъ демократіи является философскій релятивизмъ, ни что демократія не заботится о высшихъ проблемахъ духа, оставаясь «къ добру и злу преступно равнодушна». Это значитъ лишь, что демократическая идея гражданской свободы охраняетъ личность отъ всяческаго абсолютизма искусственно ей навязываемыхъ идеологій, подобно тому, какъ она охраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую эти идеологіи отъ недопустимаго ихъ приниженія до принудительныхъ мѣропріятіи правительства. *Система политическаго релятивизма въ демократіи аналогична принципу «негативной теологіи» Абсолютнаго въ философіи* *). Она не только не отрицаетъ Абсолютности, но стремится расчислить къ ней путь, не

*) См подробно объ «отрицательномъ богословіи» въ философіи въ моей книгѣ «Fichtes System der Konkreten Ethik», Tübingen, 1924.

допуская абсолютизации относительнаго и приниженія Абсолютнаго до уровня относительнаго. Демократія защищаетъ правовую гражданскую свободу и политическій релятивизмъ, именно, ради высшихъ запросовъ духа, получающихъ возможность всеобъемлющей реализаціи только черезъ ихъ посредство.

Противники демократіи часто нападаютъ на нее во имя свободы. При этомъ подъ свободой они имѣютъ ввиду конкретно-индивидуальную нравственную свободу и совершенно игнорируютъ правовую свободу. Здѣсь лишній разъ подтверждается, что за ихъ враждой къ демократіи скрывается принципиальное отрицаніе идеи права. Конечно, правовая свобода есть свобода нѣкоего общаго типа, а не непосредственная свобода качественного своеобразія. Будучи свободой *правовой*, она не можетъ не включатьъ въ себя элементы количественности и общности, неразрывно связанные съ правовой сферой. Однако, именно подъ покровомъ правовой свободы свобода конкретнаго своеобразія можетъ развиваться съ особой интенсивностью; потенциально она постоянно наличествуетъ внутри правовой свободы. Съ другой стороны, и здѣсь, какъ въ правовомъ равенствѣ, элементы конкретности и качественности до известнаго предѣла могутъ и актуально соучаствовать въ конституированіи правовой свободы. Тѣ же методы групповой организаціи, о которыхъ мы уже упоминали и въ особенности развитіе многоплановыхъ потенцій демократіи, распространяющейся на новыя не политическія области (см. ниже), позволяютъ ввести нѣкоторые элементы индивидуальнаго своеобразія въ организацію правовой свободы. Множественность специфическихъ правовыхъ круговъ и группъ, въ которыхъ призывается принимать участіе одно и то же лицо, способствуетъ выявленію его многогранности и слѣдовательно его своеобразія. Черезъ групповыя организаціи правовая типологія становится болѣе конкретной и качественной. Свобода личности получаетъ въ нихъ новаго защитника, способствующаго обнаруженію конкретной индивидуальности. Но здѣсь мы забѣгаемъ впередъ, въ область будущности демократіи...

III

Мы пришли къ двумъ заключеніямъ. Во-первыхъ, что истинный философской предпосылкой демократической идеологии является не односторонній индивидуализмъ, а синтезъ индивидуализма и универсализма. Во-вторыхъ, что между демократіей и идеей права существуетъ тѣкая интимная, органическая связь. Она много разъ представляла передъ нами, но корень этого взаимоотношенія остался неуясненнымъ. Теперь необходимо точно опредѣлить, въ чемъ состоитъ это неразрывное соотношеніе.

Прежде всего, необходимо отмѣтить, что демократію и право связывать единство метафизическихъ предпосылокъ. Односторонній индивидуализмъ и односторонній универсализмъ одинаково подрываютъ возможность правовопознанія и приводятъ къ отождествленію права съ силой. Въ индивидуалистическихъ системахъ право, какъ начало немыслимое безъ общезнѣнія, совершенно исключается за предѣлы нравственно тѣннаго; оно разсматривается, какъ тѣкая чисто виѣшняя узда, «*Maschinenwesen der Polizei*», по выраженію Канта, намордникъ, одинаково пригодный для людей и чертей; по существу, слѣдовательно, это механическая сила. — Къ тому же выводу приводитъ противоположная крайность — односторонній универсализмъ. Если индивидуализмъ исключаетъ право совершенно за предѣлы этики, то универсализмъ наоборотъ, растворяетъ право въ нравственности и ставитъ между ними знакъ равенства: онъ превращаетъ этику въ философію права, — напримѣръ, у Платона и Гегеля. Въ результатъ не право подымается на высоту нравственности, а, наоборотъ, послѣдняя пригнетается на низшій уровень, которому, однако, приписывается весь абсолютизмъ нравственныхъ требованій. Абсолютизмъ нравственныхъ требованій, перенесенный на право, приводитъ къ культу безусловно-принудительнаго порядка, воплощеннаго въ государствѣ, которое ставится надъ правомъ, обращаемымъ на службу фактической государственной мощи. Такъ смыкается кругъ и право снова оказывается слитымъ съ силой. Только синтезъ универсализма и индивидуализма, слѣдовательно, даетъ возможность обосновать правовую сферу, какъ автономную и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно-цѣнную область. Только на основѣ этого синтеза уясняется сущность права, какъ

предварительнаго замиренія личности и соборности, готовящаго путь ихъ нравственной гармонизаціи. *Синтезь индивидуализма и универсализма является, такимъ образомъ, предѣломъ и первоосновой и демократіи и права.*

Будучи неразрывно связаны черезъ свои философскія предпосылки, демократія и право неразлучимы и въ процессѣ своей реализаціи. Демократія есть необходимый и единственно возможный путь для реализаціи права въ общественной организаціи. Господство права, суверенитетъ права есть путеводная звѣзда демократіи. Демократія отличается отъ всѣхъ другихъ формъ организаціи тѣмъ, что структура власти для нея неотдѣлима отъ проблемы подчиненія власти праву. Организація власти и защита права для демократіи не два разныхъ, а одинъ и тотъ же вопросъ. Власть лишь тогда власть, когда она служитъ праву, когда она дѣйствуетъ въ рамкахъ и въ согласіи съ правомъ, когда она является чистого правовой функціей — таковъ основной принципъ демократической организаціи. Это прекрасно было создано уже первымъ создателемъ демократическаго синтеза — Ж. Ж. Руссо. Принципъ «*volonté générale*» есть для него воплощеніе правовой идеи, квинтъ-эссенція правосознаній, и воля народа — *volonté de tous* — только тогда законодѣрная власть, когда она руководствуется велѣніями правовой «*volonté générale*». Основная идея Руссо есть идея суверенитета права*). Да какъ могло быть иначе, поскольку народовластіе разсматривается, какъ необходимый способъ реализаціи свободы и равенства. Во всѣхъ другихъ идеологіяхъ и способахъ организаціи власть и право разобщаются между собой и въ лучшемъ случаѣ между

*) Доказательству этого положенія авторъ настоящей статьи посвятилъ особую работу подъ названіемъ: «Руссо и Декларація правъ», Петроградъ, 1917. Если эта сторона ученія Руссо менѣ всего была воспринята его непосредственными послѣдователями, то причину этого слѣдуетъ искать, во-первыхъ, въ томъ, что Руссо слишкомъ полагался на совпаденіе воли народнаго большинства съ требованіями права, а въ случаѣ расхожденія предлагалъ сразу такую крайнюю мѣру, какъ возстаніе, игнорируя такіе институты, какъ судебную провѣрку конституціонности законодательныхъ актовъ и административную юстицію, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ не различалъ между правомъ естественнымъ и положительнымъ, наконецъ, — въ его индивидуализмѣ (см. ниже).

ними заключается компромиссъ (напримѣръ, конституціонная монархія). Недемократическая власть есть внѣ-правовая и сверхправовая власть. Она есть та область отношеній, куда не проникаетъ правовое регулированіе и гдѣ господствуетъ произволь. Всѣ ученія о сверх-правовомъ, метаюридическомъ характерѣ власти суть антидемократическія ученія. Воспитаніе уваженія къ безличнымъ нормамъ права есть главная добродѣтель демократіи. Въ немъ, въ частности, великая историческая миссія уже осуществленныхъ формъ демократическаго бытія. Процессъ демократизаціи — въ подчиненіи всѣхъ актовъ, сохранившихъ іерархическій характеръ, правовому режиму. Въ этомъ отношеніи судебная провѣрка законности всѣхъ безъ исключенія дѣйствій администраціи, получившая особенно широкое развитіе во французской административной юстиціи есть величайшее торжество демократіи. Акты частныхъ лицъ, публичныхъ корпорацій, чиновниковъ, правительства всѣ уравниваются между собой въ равной ихъ зависимости отъ права и въ ихъ подчиненности суду.

Лассаль былъ глубоко правъ, когда воскликнулъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей: «Die Demokratie — und das ist ihr Stolz — hat allein das Recht von Recht zu sprechen. Bei der Demokratie allein ist alles Recht» (Ges. Werk., изд. 1893, I B, S. 550). Дѣйствительно внѣ демократіи нѣтъ никакого другого способа проникновенія права въ структуру общественной организаціи. Это пониженіе правомъ организаціонно-властныхъ отношеній связано съ подчиненіемъ ихъ особой разновидности права — праву социальному, вытѣсняющему въ этой сферѣ конкурирующее съ нимъ индивидуальное право, которое прикрываетъ здѣсь лишь произволь, насиліе и іерархію; такъ что, съ чисто юридической стороны, демократію можно будетъ опредѣлить, какъ установленіе суверенитета социальнаго права внутри общественной организаціи.

Демократія и право суть двѣ стороны одного и того же явленія. Безъ права нѣтъ демократіи. *Если есть будущность у права, то она есть и у демократіи.* Если демократіи суждено погибнуть, то это означало бы величайшее ущербленіе правовой идеи, величайшій регрессъ вліянія права въ общественной жизни въ пользу низшихъ стихій. Демократія можетъ спокойно взирать впередъ. Ея судьбы суть судьбы культурнаго человѣка, не могущаго развиваться

внѣ правовыхъ гарантій. Закатъ демократіи равносильнъ закату культуры и общей деградациі. Здѣсь нужно выбирать. Предсказать гибель демократіи, значить ожидать близкую смерть всей человѣческой культуры. Если же вѣрить въ ея дальнѣйшую жизнь и развитие, логически необходимо признавать и вѣрить въ будущность демократіи.

IV

Предыдущее имѣло цѣлью уяснить, каковы общія основы и потенціи демократіи. Мы пытались доказать, что идеологическая структура демократіи такова, что она не можетъ не имѣть будущности. Теперь естественно поставить вопросъ, *въ чемъ эта будущность*, въ какомъ направленіи развиваются дальнѣйшіе пути демократіи. Мы все время настаивали на различіи между сущностью демократіи и формами ея историческаго воплощенія, постоянно подчеркивая, что демократія есть *подвижное* равновѣсіе между ея тремя конститутивными элементами. На очереди вопросъ, въ какомъ направленіи перемѣщается нынѣ этотъ подвижный демократическій синтезъ.

Здѣсь, прежде всего, чрезвычайно важно возстать противъ одного очень распространеннаго предразсудка, въ значительной степени обусловливающаго всѣ нападки на демократію со стороны юристовъ и историковъ. Когда демократію обвиняютъ за ея централизмъ и стремленіе къ всекомпетентности политическаго представительства, когда изъ неспособности государственной организаціи справиться со всѣми задачами, которыя она на себя беретъ, выводятъ оскудѣніе и безсиліе демократіи, совершаютъ одно очень существенное смѣшеніе: произвольно ограничиваютъ область дѣйствія демократіи одной лишь политической областью и дѣлаютъ затѣмъ демократію отвѣтственной за недочеты этатизма — непопулярнаго преобладанія государственной организаціи, получившей, со времени монархическаго абсолютизма, преувеличенное значеніе въ правовой и социальной жизни.

Но гдѣ доказано, что демократія есть принципъ исключительно политической организаціи? Дѣйствительно ли демократія повинна въ чрезмѣрномъ усиленіи государства за счетъ общества?

Мы дали такое описаніе демократіи, которое примѣнимо къ любой общественной организаціи, къ любой группѣ

заинтересованных. Въ принципѣ демократіи нѣтъ ничего специфически политическаго. Самоуправляющаяся на началахъ равенства и свободы соборность реализуема всюду, гдѣ имѣются объединенія людей. Она можетъ служить организаціоннымъ принципомъ общества въ такой же степени, какъ и государства, и она исторически уже прилагалась, напримѣръ, къ церковному строю (индипендентскія секты и т. д.). Въ наше время демократія завоевываетъ все новыя области общественной жизни. Она проникаетъ внутрь хозяйственныхъ предпріятій. Она приводитъ къ ограниченію произвольной власти хозяевъ на фабрикахъ представительствомъ отъ рабочихъ. Она осуществляется внутри каждаго профессиональнаго союза и каждаго кооператива и въ ихъ объединеніяхъ. Она вызываетъ къ жизни новыя органы чисто экономическаго самоуправления, вродѣ нѣмецкаго Reichswirtschaftsrat'a и французскаго Conseil National Economique. Со всѣхъ сторонъ говорятъ о демократіи производителей и потребителей, объ «индустріальной демократіи» на ряду съ демократіей политической. «Экономическое общество» — хозяйство становится особой областью примѣненія демократическихъ идей. Идея хозяйственнаго парламента, построеннаго на непосредственномъ представительствѣ заинтересованныхъ сторонъ (производителей, потребителей, руководителей хозяйственнаго предпріятія), разбитыхъ по отдѣльнымъ отраслямъ индустріи и по профессіямъ, носится въ воздухѣ. Демократія начинаетъ организовывать общество на началахъ права, подобно тому, какъ она нѣкогда организовала на тѣхъ же началахъ государство. Последовательное развитіе демократіи приводитъ къ тому, что нарушенное въ эпоху новаго времени равновѣсіе между государствомъ и обществомъ начинаетъ возстановливаться въ пользу общества. Универсальность и многопланность демократіи проявляется не только въ начавшемся процессѣ демократизаціи хозяйства. На ряду съ хозяйственной демократіей все болѣе четко обозначается зарожденіе международной демократіи. Политическая демократія, изнутри уравниваемая демократіей хозяйственной, вовнѣ все болѣе ограничивается и поддерживается демократіей международной. Международное общеніе и международная организація, чѣмъ ярче они сознаютъ себя особой, независимой отъ отдѣльной государственной воли правовой областью, тѣмъ болѣе они тяготеютъ

къ демократической организаціи. Лига Націй при всѣхъ своихъ современныхъ органическихъ недочетахъ есть первый шагъ въ этомъ направленіи. Планъ децентрализаціи Лиги Націй по географическимъ континентамъ въ цѣляхъ уравненія большихъ государствъ и малыхъ при конституированіи центральнаго органа Лиги есть дальнѣйшій шагъ въ сторону международной демократіи.

Наконецъ, наряду съ нарастаніемъ хозяйственной и международной демократіи, нельзя не отмѣтить еще созданной мирными договорами демократіи національно-культурныхъ меньшинствъ, представляющей особую, отличную отъ политической, форму демократіи.

На вопросъ, въ чемъ будущность демократіи, прежде всего, напрашивается отвѣтъ: *будущность демократіи въ ея многопланности и универсальности*, въ ея проникновеніи во все новыя области человѣческихъ отношеній, въ ея выходѣ за предѣлы одной лишь политической организаціи. Здѣсь предстоитъ еще длинная эволюція и долгая борьба за демократизацію. Въ частности, какъ мы увидимъ, доведенная до конца хозяйственная демократія есть социалистическій строй. Противорѣчія между социализмомъ и демократіей, настоятельная потребность социализма въ демократизаціи, возникли исключительно благодаря произвольному ограниченію демократическаго принципа одной лишь политической областью, неспособной демократически организовать хозяйство. Ибо демократическая организація государства, ставшаго *доляномъ*, ничего не имѣетъ общаго съ хозяйственной демократіей: гражданинъ, производитель и потребитель имѣютъ каждый свои особые интересы, способные вступать въ конфликтъ и нуждающіеся въ особыхъ формахъ демократической организаціи.

Не только соборность, но и каждая отдѣльная личность, какъ намъ уже приходилось отмѣчать, чрезвычайно выигрываетъ отъ многопланности демократіи. При ея посредствѣ не только умножаются виды социальнаго сщѣпленія, но и качественно обогащается личность. Многопланности демократіи соответствуетъ многогранность личности. При взаимномъ восполненіи разныхъ видовъ демократіи уравновѣшивающихъ другъ друга — при групповомъ многообразіи — легче становится примирить болѣе конкретно понятую личную свободу съ болѣе матеріально понятой идеей равенства, столь рѣзко сталкивавшіеся между

собой въ политической идеологии XIX вѣка. Универсальность и многогранность демократіи еще въ гораздо большей степени, чѣмъ новыя системы политическаго представительства, указываютъ путь новаго демократическаго синтеза, котораго ищеть XX вѣкъ.

V

Особо стоитъ вопросъ, въ чемъ будущность специально политической демократіи. Съ одной стороны, въ согласіи со сказаннымъ, она не можетъ не состоять въ отказѣ отъ своей всекомпетентности въ пользу другихъ раповидностей демократіи, въ частности демократіи хозяйственной и международной. *Соотношеніе между различными видами демократіи само должно быть организовано демократически.* Множественность функционально отличныхъ самоуправляющихся цѣлыхъ (государственная соборность, хозяйственная соборность, международная соборность и т. д.) должна быть поставлена въ равное положеніе и соотноситься между собой на началахъ координаціи, а не субординаціи. Какіе новыя демократическіе органы потребуются для реализаціи такой системы, рѣшать преждевременно, ясно, однако, что на первый планъ должна быть выдвинута автономная судебная организація, построенная на паритетныхъ началахъ. Политическая демократія, разгруженная отъ своей всекомпетентности, только выиграеть отъ этого въ своемъ значеніи и вѣсѣ, и сможетъ расцвѣсти съ новой силой, выступая, какъ хранительница идеальныхъ и духовныхъ запросовъ націи и держа въ своихъ рукахъ аппаратъ безусловнаго принужденія.

Въ частности парламентаризмъ, ослабленный цынѣ не только чрезвычайнымъ усложненіемъ партійныхъ группировокъ, но еще въ гораздо большей степени необходимостью для правительства заниматься чисто техническими проблемами, связанными съ хозяйствомъ, сможетъ, при условіи освобожденія политической демократіи отъ всеобъемлющихъ функцій, вступить въ полосу чрезвычайнаго подъема. Парламентаризмъ столь же умѣстенъ въ чисто политической демократіи, какъ онъ совершенно неприемлемъ въ области демократіи хозяйственной. Рѣшеніе проблемы парламентаризма, выходъ изъ его кризиса въ новомъ раздѣленіи властей между государствомъ и обще-

ствомъ, между политической и хозяйственной демократіей.

Съ другой стороны, встаетъ вопросъ о направленіи, въ какомъ предстоитъ развиваться системѣ *политическаго* народнаго представительства. Этотъ вопросъ ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать, какъ это часто дѣлають, съ проблемами хозяйственной демократіи. Принципіально вполне допустимо, чтобы послѣдняя строилась на началахъ групповаго, индустріальнаго, профессиональнаго представительства, а политическая демократія оставалась организованной на началахъ представительства общегражданскаго. Если различные виды демократіи призваны разрѣшать качественно разныя проблемы, то естественно имъ быть организованными по разному. Дѣйствительно политическая демократія, служа наиболѣе общимъ интересамъ сочленовъ національнаго цѣлаго и объединяя ихъ на почвѣ максимальнаго ихъ единства, органически связана съ идеей *гражданина, какъ такового*, и, слѣдовательно, съ принципомъ общегражданскаго представительства. Именно съ точки зрѣнія утвержденія многопланности демократіи, чрезвычайно важно, чтобы личность могла проявлять свою организационную волю многогранно и, слѣдовательно, не только, какъ производитель, позребитель и т. д., но и просто, какъ гражданинъ. Политическое профессиональное представительство можетъ, слѣдовательно, безъ противорѣчія мыслиться лишь, *какъ восполненіе общегражданскаго представительства, а не въ замѣну ему*, что означало бы по существу уничтоженіе политической организациіи.

Дополнительное введеніе профессиональнаго представительства въ политическую область имѣетъ за себя ниже слѣдующія основанія: 1) Оно рѣшаетъ, прежде всего, вопросъ о демократической организациіи верхнихъ началъ политическаго представительства, поскольку уничтоженіе послѣднихъ признается нежелательнымъ и опаснымъ. 2) Оно призывается для консолидаціи политической собранности чрезмѣрно разрыхленной благодаря далеко ушедшей впередъ профессиональной дифференціаціи. 3) Оно даетъ и въ политической области возможность найти нѣкоторое примиреніе между конкретной индивидуальностью и равенствомъ, внося индивидуализацію въ процессъ уравненія, что достигается путемъ своеобразной группировки равныхъ. 4) Но главная проблема, которая рѣшается

профессиональным представительством в политической области, есть создание некоего промежуточного звена и контръ-баланса между политической и хозяйственной демократией. Верхняя палата политического парламента, организованная профессионально, мыслится, какъ некий буферъ, препятствующій чрезмерно рѣзкому столкновению независимыхъ другъ отъ друга государственной и хозяйственной соборности. Конечно, эта проблема можетъ стать актуальной только при полномъ развитіи институтовъ хозяйственной демократіи и ясно обозначившемся процессѣ деволуціи современного государства.

Даже для Западной Европы поэтому система политическаго профессиональнаго представительства только еще начинаетъ становиться на очередь дня. Что же касается до Россіи, то она здѣсь въ ближайшія десятилѣтія не можетъ имѣть никакого актуальнаго значенія. — Прикрывающая диктатуру коммунистической партіи совѣтская система по существу не имѣетъ ничего общаго ни съ хозяйственной демократіей, ни съ политическимъ профессиональнымъ представительствомъ. «Совнархозъ» есть чисто административный, назначаемый правительствомъ органъ и отъ него всецѣло зависитъ. Система совѣтскаго представительства, не говоря уже о томъ, что она построена по существу на законосоветчательномъ началѣ, исходитъ изъ прикрѣпленія избирателя къ общимъ группамъ (деревня, волость, фабрика и т. д.) и гораздо болѣе напоминаетъ сословно-куріальную систему, дѣйствовавшую въ свое время въ Пруссіи и частично у насъ въ Россіи, чѣмъ профессиональное представительство. Она имѣетъ вдобавокъ спеціальной цѣлью создать искусственное преобладаніе города надъ деревней, внѣ котораго, въ виду абсолютнаго перевѣса крестьянскаго населенія въ Россіи совѣтская система на 9/10 должна была-бы слиться съ общегражданскимъ представительствомъ.

Послѣ сверженія коммунистической диктатуры въ Россіи рано или поздно станетъ абсолютно необходимымъ возвратъ къ нормальному типу политической демократіи, на основахъ общегражданскаго представительства. Отсутствіе прочно сложившейся профессиональной дифференціаціи, а тѣмъ болѣе, устойчивыхъ корпорацій европейскаго типа, при абсолютномъ преобладаніи однороднаго «мужичкаго» элемента дѣлаютъ въ ближайшія десятилѣтія политическое профессиональное представительство

въ Россіи и не нужнымъ, и не возможнымъ. Неужнымъ потому, что рѣшасмыя этимъ способомъ проблемы могутъ стать здѣсь реальными лишь въ отдаленномъ будущемъ. Невозможнымъ потому, что оно было бы чисто искусственной, изъ подражательности западнымъ исканіямъ навязанной системой, для которой въ Россіи нѣтъ еще достаточныхъ предпосылокъ. Послѣбольшевицкая Россія съ ея преобладающимъ «средняцкимъ» населеніемъ по существу будетъ представлять классическую среду для реализаціи идеаловъ, т. н., механической демократіи, организованной исключительно на началахъ общегражданскаго представительства. Она имѣетъ свою особую историческую миссію въ Россію, гдѣ еще опыта демократіи вообще произведено не было: не воспитано уваженіе къ безличнымъ нормамъ права, не развито правосознаніе, внѣ котораго объ углубленіи демократіи не можетъ быть и рѣчи. Въ пореволюціонной Россіи актуальной и необходимой будетъ борьба за традиціонныя формы политической демократіи, за территоріальный федерализмъ и за зародыши новыхъ формъ хозяйственной и національно-культурной демократіи. За жупель политическаго профессиональнаго представительства будетъ цѣпляться лишь демагогія реакціонеровъ справа и слѣва, именно потому, что въ ближайшую эпоху подобная система въ Россіи завѣдомо неосуществима.

VI

Чтобы закончить наши соображенія на тему о конкретномъ будущемъ демократіи, необходимо еще остановиться на одномъ вопросѣ. Мы попытались показать, что демократія отнюдь не ограничивается одной лишь политической областью, что она несоизмѣримо шире и, что будущность демократіи, пріежде всего, въ ея универсализаціи и многопланности, такъ что временныя затрудненія демократіи въ одной области (напримѣръ, политической) могутъ съ лихвой искупаться ея расширеніемъ и развитіемъ въ другой области (напримѣръ, хозяйственной и международной). Мы оставили, однако, еще безъ отвѣта упрекъ демократіи въ томъ, что она исторически повинна въ усиленіи государства за счетъ общества и въ непомѣрномъ централизмѣ. Какъ можно, скажутъ намъ, ожидать отъ демократіи въ будущемъ возстановленія равновѣсія

между обществом и государством, когда опыт прошлого доказывает прямо обратное: путь къ этатизму лежалъ черезъ демократію.

Это возраженіе основано на неправильномъ освѣщеніи историческихъ обстоятельствъ. Совершенно безспорно, что демократія въ своемъ первоначальномъ осуществленіи, и, особенно, во Франціи, приняла односторонній, государственническій и централистскій характеръ. Но весь вопросъ въ томъ и состоитъ, происходилъ ли этотъ централизмъ отъ примѣненія демократическихъ принциповъ или отъ *непреодоленной традиціи монархическаго абсолютизма*, поддержанной особыми историческими условіями (необходимости завершить борьбу съ феодальными пережитками). Токвилль въ своей извѣстной работѣ прекрасно показалъ, какъ много элементовъ стараго режима перешло въ новый строй. Однимъ изъ такихъ элементовъ совершенно безспорно была якобинская страсть къ абсолютной централизаци, въ которой они были вѣрными преемниками монархій. «La démocratie régaliennne», какъ мѣтко выразился одинъ французскій авторъ (М. Леруа) — и только она одна — связала себя враждой къ децентрализаци и общественному самоуправленію. Какія могутъ быть сомнѣнія, что источникъ этой вражды въ прилагательномъ «régaliennne», а не въ существительномъ «démocratie»? Достаточно напомнить, что федералистическія тенденціи были очень сильны въ началѣ французской революціи и на нихъ впоследствии опиралась Жиронда въ своей борьбѣ съ Горой. И самая идея «свободной общины», лежащей въ основѣ автономной системы мѣстнаго самоуправления, была впервые выдвинута на основѣ демократическихъ принциповъ докладчикомъ Національнаго Собранія Thouret и затѣмъ подробно развита Кондорсе. Федерализмъ и децентрализаци несомнѣнно болѣе соотвѣтствуютъ демократической идеѣ самоуправляющейся на основахъ свободы и равенства соборности, чѣмъ централизмъ и этатизмъ — это дурное настѣдствіе эпохи монархическаго абсолютизма.

Если нѣкоторые демократическія теченія и идеологи (въ частности самъ Ж. Ж. Руссо) обнаружили противоположныя тенденціи, то это было не въ согласіи, а вопреки ихъ демократическимъ принципамъ. Существенную роль здѣсь играло односторонне-индивидуалистическое обоснованіе демократіи, приводившее къ

нѣкоторому ея извращенію. Именно черезъ посредство механистическаго индивидуализма достигалось нѣкоторое вышнее примиреніе между демократической идеологіей и централистскими пережитками монархическаго абсолютизма. Въ индивидуалистической интерпретаціи соборность мыслилась, какъ индивидъ въ увеличенномъ размѣрѣ, а ея самоуправленіе, какъ единая воля этого индивида, суммирующая права всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Вотъ почему становилось сравнительно легко сочетать самоуправляющуюся соборность съ абсолютной концентраціей. Вдобавокъ само право толковалось чисто индивидуалистически и не предусматривалось никакихъ другихъ разновидностей права, кромѣ регулирующаго отношенія разобитныхъ центровъ («relation avec autrui»). Поэтому принципъ суверенитета права, съ самаго начала положенный въ основу демократіи, не приводилъ ко всѣмъ тѣмъ слѣдствіямъ, которыя можно было бы ожидать: онъ не выражалъ, не охватывалъ, не проникалъ собой соборную цѣлостность, а лишь подчинялъ ее себѣ въ формѣ единаго властвующаго субъекта. Чтобы демократія могла выявить всѣ свои истинно демократическія потенціи, чтобы она могла изжить до конца монархическое наслѣдіе и перестать быть въ какой бы то ни было степени «démocratie égalitaire», чтобы она могла осуществить свою многопланность и универсальность и привести въ равновѣсіе государство и общество, — демократія должна быть очищена совершенно отъ индивидуалистическихъ извращеній. Для этого существенно важно преодолѣть индивидуалистическіе предрасудки въ правовой области, что должно будетъ привести къ новому точному и исчерпывающему опредѣленію юридической природы демократіи, какъ суверенитета социальнаго права. Этому опредѣленію мы и посвятимъ заключительную часть нашей статьи.

VII

Каждая группа, каждое соборное цѣлое является источникомъ новаго объективнаго права и прямымъ участникомъ возникающихъ на его основѣ отношеній внутри себя самого. Будь это профессиональный союзъ или семья, клубъ или фабрика, футбольная команда или акціонерное общество, государство или лига націй, изъ самаго факта опредѣленнаго объединенія проистекаетъ новое

право, обладающее некоторыми особыми свойствами. Если условиться это право, выводящее свою обязательность из нормативного факта любого соборного объединения, называть *социальным правом*, то ему логически необходимо будет противопоставить право, связанное с взаимоотношением разобщенных субъектов, — одного лица к другому, «relation avec autrui» — право индивидуальное. Каждая группа внутри себя живущая на основе своего социального права, во вне может вступать в разобщенные отношения с другими группами или лицами (в том числе и с собственными членами) и здесь подчиняться индивидуальному правопорядку. Это деление права на социальное и индивидуальное не имеет никакого отношения ни к противопоставлению права объективного и субъективного, ни к традиционной классификации права на публичное и частное. И социальное и индивидуальное право имеют объективную и субъективную сторону: в основе регулирования взаимоотношений разобщенных субъектов лежат объективный и индивидуальный правопорядок, а объективный правопорядок, порождаемый соборной целостностью, немислим вне установления субъективных социальных прав (например, прав сочленства и участия и т. д.) участников группы. — Деление права на публичное и частное зависит от государственной воли, которая в разные эпохи захватывает неодинаковые области права, придавая им публичный характер.

Что частное право постоянно содержит в себе наряду с индивидуальным правом обильные слои права социального на это указывалось в литературе неоднократно (Гирке, Салейль и др.). Меньше обращали внимание, хотя это в некоторых отношениях еще более интересно, на то, что публичное право логически может включать, и действительно, фактически весьма часто включает, существенные элементы индивидуального правопорядка. Эта *наличность внутри публичного права*, и в частности, государственного права, чужеродных политической соборности, рассчитанных на разобщенные отношения субъектов, *норм индивидуального права, есть признак антидемократизма соответственного государства*. Возведение в публичное право некоторых индивидуально-правовых отношений прикрывает собой иерархическую структуру власти. Наоборот, очищение публич-

наго права отъ всѣхъ примѣсей индивидуальнаго права и сведеніе его къ одному лишь социальному праву есть точное выраженіе юридическаго существа политической демократіи. — Переходъ отъ патримоніальной монархіи къ современному правовому государству постоянно изображался, какъ вытѣсненіе элементовъ частнаго права изъ государственнаго организма и замѣна ихъ публично-правовыми отношеніями, въ силу которыхъ монархъ не собственникъ своего государства, а государственный органъ. Однако здѣсь останавливался на полпути, упуская изъ виду, что публичное право, какъ чисто формальное понятіе, отлично можетъ включать въ себя матеріальныя индивидуально-правовыя отношенія. Конституціонная монархія (особенно дуалистическаго типа) есть какъ разъ простѣйшій и очень типичный примѣръ такой структуры публичнаго права. Индивидуальныя правоотношенія, фиксирующія отъединенность монарха отъ соборнаго цѣлаго, его взаимоотношенія съ другими представителями династіями, его наследственное право и имуществовое положеніе и т. д. входятъ здѣсь въ качествѣ составнаго элемента въ конституцію. Сталкиваясь, какъ чужеродное тѣло, съ социальнымъ правомъ, непосредственно излучаемымъ политическимъ объединеніемъ, какъ таковымъ, и искусственно выдвигаясь въ общественную организацию, индивидуальное право служитъ прикрытіемъ произвола и сверхправовой власти.

Истинная формула «правового государства» есть рѣшительное преобладаніе социальнаго права надъ индивидуальнымъ, уже внутри публичнаго права. Точное юридическое опредѣленіе политической демократіи есть сведеніе публичнаго права къ одному чистому социальному праву, порождаемому политической соборностью. Уже послѣ того, какъ въ организациіи верховныхъ властей социальное право побѣждаетъ окончательно, въ закоулкахъ административной организациіи еще долго могутъ таиться элементы индивидуальнаго правопорядка. Борьба за демократизацию администраціи, за подчиненіе всѣхъ правительственныхъ и административныхъ актовъ судебному контролю, сводится къ полному вытѣсненію изъ государственной организациіи всѣхъ элементовъ индивидуально-правового уемотрѣнія и къ всемѣрному проширженію этой организациіи социальнымъ правомъ. Точно такъ же отказъ отъ идеи абсолютнаго суверенитета и всекомпе-

тентности политической демократии есть по существу отказъ отъ индивидуально-правовой (имперіалистической) конструкции государственнаго властвованія и переходъ къ социальнo-правовой концепціи государства, согласно которой кругъ ея дѣятельности очерчивается правопорядкомъ, вытекающимъ изъ функциональнаго единства политической соборности.

Соціальное право есть квинтъ-эссенція демократіи. Оно юридически концентрируетъ и воплощаетъ въ себѣ идею соборнаго самоуправленія на началахъ равенства и свободы, оно требуетъ ихъ осуществленія въ организаціи, порождаясь само еще до всякаго организованнаго расчлененія соборнаго цѣлаго, изъ самаго факта даннаго объединенія. Въ каждой группѣ и каждой социальной ячейкѣ можно ясно отличить самое объединеніе, какъ таковое, отъ надстраиваемой надъ ней организаціи, — объективную «институцію» (*Naugion*) отъ коллективнаго юридическаго лица на нее опирающагося. Демократія есть такая структура этой организаціи, при которой она всецѣло опредѣляется социальнымъ правомъ, излучаемымъ объективнымъ объединеніемъ — цѣлостнымъ нерасчлененнымъ общеніемъ, лежащимъ въ основѣ каждой организаціи. Такимъ образомъ не только демократія неразрывно связана съ суверенитетомъ социальнаго права, но и, наоборотъ, социальное право не можетъ найти никакихъ другихъ воплощеній кромѣ демократіи: *демократія есть организованное социальное право и суверенитетъ социальнаго права есть демократія.*

Это опредѣленіе даетъ возможность особенно ясно продумать суть неполитическихъ формъ демократіи, и въ частности демократіи хозяйственной или индустріальной.

Возьмемъ для примѣра любую фабрику, торговое заведеніе, бюро при капиталистической системѣ. Съ одной стороны, въ такомъ предпріятіи имѣется нѣкое объективное объединеніе людей для определенной цѣли (рабочихъ, служащихъ, хозяевъ — всѣхъ совместно); изъ этого объединенія вытекаетъ объективное социальное право, регулирующее взаимоотношеніе сочленовъ этого цѣлаго и, прежде всего, власть его надъ ними. Съ другой стороны, надъ этимъ объединеніемъ надстраивается извѣстная организація, призванная выражать власть этого цѣлаго и точно опредѣлять функцію каждого сочлена. Эта организація при капиталистическомъ режимѣ, однако, не опре-

дѣляется социальнымъ правомъ, излучаемымъ объединеніемъ. Собственникъ предпріятія на совершенно другихъ основаніяхъ — именно на основѣ индивидуально-правового отношенія съ другими собственниками, въ связи съ предоставленнымъ ему кругомъ имущественныхъ правъ — произвольно устанавливаетъ внутренний распорядокъ своего заведенія, властвуетъ надъ группой работающихъ у него людей, опредѣляетъ ихъ взаимоотношеніе и роль и т. д. Власть, которую дѣлаетъ, на основѣ социального права, имѣть надъ своими сочленами, здѣсь используется и захватывается собственникомъ при помощи индивидуального правопорядка, не включающаго, какъ таковой, функции властвованія. Въ организаціи капиталистическаго предпріятія, такимъ образомъ, явственно смѣшивается социальное и индивидуальное право, съ преобладаніемъ второго надъ первымъ. Это даетъ типъ *господскаго союза*, обращающаго социальное право на службу индивидуальному праву и путемъ этого извращенія достигающаго сочетанія индивидуально-правового отношенія съ властью надъ дѣльми. Хозяйственная демократія есть нечто иное, какъ возстаніе социального права внутри каждаго предпріятія противъ своего противостественнаго подчиненія чужеродному индивидуально-правовому отношенію. Хозяйственная демократія стремится подчинить организацію предпріятія социальному праву, порождаемому объективно-институціоннымъ объединеніемъ, лежащимъ въ основѣ этой организаціи. Всюду, гдѣ въ процессѣ хозяйства возникаетъ власть однихъ надъ другими, эта власть должна быть основана на социальномъ правѣ данной группы, а не на индивидуальномъ правѣ, прикрывающемъ здѣсь произволъ. Таковъ конечный идеалъ хозяйственной демократіи. Борьба за демократизацію индустріи сводится къ стремленію постепенно вытѣснить элементы индивидуально-правового отношенія изъ организаціи предпріятія, замѣщая ихъ социальнымъ правомъ. Достижимое здѣсь въ предѣлахъ капиталистическаго строя можно сравнить съ дуалистической конституціонной монархіей въ области политической. Опредѣленіе внутренняго распорядка предпріятій путемъ коллективныхъ тарифныхъ договоровъ, фабрично-заводскіе комитеты, организующіе представительство рабочихъ и служащихъ для участія въ осуществленіи дисциплинарной власти, рабочей контроль, соучаствующій въ фабричной

инспекции, наконец, организация на паритетных началах органовъ экономического самоуправления, — все это лишь разные виды ограниченія индивидуальнаго правопорядка социальнымъ правопорядкомъ въ структурѣ хозяйственной группы. Полное торжество хозяйственной демократіи, т. е. совершенное вытѣсненіе изъ организациі предпріятія индивидуально-правовыхъ элементовъ и подчиненіе ея чистому социальному праву данной группы равносильно установленію социалистическаго строя, т. е. такой системы, при которой изъ индивидуально-правового отношенія собственности не могло бы возникать никакой власти надъ другими лицами и ихъ объединеніями.

Юридическая формула социализма такимъ образомъ совершенно тождественна юридической формулѣ демократіи: суверенитетъ социальнаго права. Въ ихъ истинномъ выраженіи демократію и социализмъ никакѣмъ мирить: они представляютъ собой одно и то же. Социализмъ есть хозяйственная разновидность демократіи. Демократія не можетъ выявить своей истинной сущности и своихъ многогранныхъ потенцій, оставаясь въ тискахъ индивидуализма.

Высказанное нами убѣжденіе, что будущность демократіи въ ея многогранности и универсальности получаетъ здѣсь новое подтвержденіе. Чѣмъ точнее мы представляемъ себѣ сущность демократіи, тѣмъ богаче оказывается ея содержаніе и шире ея возможности. Это прекрасный прогнозъ для ея будущности.

Г. Д. Гурвичъ.